

**Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников
по обществознанию 2014 г.
9–11 классы**

**2-й тур
Сочинение-эссе**

Критерии оценивания

1. Понимание темы и соответствие ей содержания работы:

- а) умение выделять проблему;
- б) умение обосновать ее значимость для общественных наук и социальной практики;
- в) выделение аспектов проблемы и понимание связи между ними;
- г) соответствие содержания работы заявленной теме.

2. Умение сформулировать и обосновать вашу собственную точку зрения при раскрытии темы.

3. Владение теоретическим и фактическим материалом по теме:

- а) внутреннее смысловое единство, согласованность ключевых тезисов и утверждений, непротиворечивость суждений, отсутствие пробелов в аргументации;
- б) опора на научные теории, владение понятиями курса;
- в) опора на факты общественной жизни, личный социальный опыт;
- г) использование примеров из всемирной и отечественной истории;
- д) использование примеров из произведений мировой культуры (литература, театр, кино, живопись, музыка и т.д.)
- е) уместность приводимых аргументов.

4. Умение сформулировать основные выводы по итогам рассмотрения темы.

Темы

(выбрав тему, пожалуйста, напишите, с точки зрения какой дисциплины — культурологи, политологии, социологии, философии, экономики, юриспруденции — вы по-преимуществу будете ее рассматривать)

«Мода — не что иное, как одна из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию и изменению в единой деятельности».

Г. Зиммель

«Креативность не всегда связана с открытием нового, это еще и поиск нового применения старым вещам».

Ч. Лэндри

«Религия — это общечеловеческий навязчивый невроз».

З.Фрейд

«Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное».

Б. Паскаль

«Много знать — хорошо, но все знать — ужасно».

Л. Шестов

«Мышление — это безмолвная беседа души с самой собой».

Платон

«Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность».

К. Маркс

«Государственно-правовое существование есть существование враждующих».

Н. А. Бердяев

«Права человека не конкурируют с народным суверенитетом».

Ю. Хабермас

«Первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству».

Ф. Энгельс

«В любом обществе те индивиды и группы в первую очередь будут склонны к революционным действиям, чьи базовые инстинкты репрессированы».

П. А. Сорокин

«Мания великих реформ бывает очень пагубна для народа, как бы ни казались хороши эти реформы в теоретическом отношении».

Г. Лебон

«Погоня за прибылью единственный способ, при помощи которого люди могут удовлетворять потребности тех, кого они вовсе не знают».

Ф. Хаек

«Рынки, так же как парашюты, срабатывают только, если они открыты».

Х. Шмидт

«Банковские учреждения более опасны, чем регулярная армия».

Т. Джефферсон

«Цари и правители не те, которые носят скипетр или избраны кем попало, или получили власть по жребию или насилием или обманом, но те, которые умеют управлять».

Сократ

«Государство есть искусственное составное тело, искусственный организм, а подданный — частица, подчиняющаяся целому».

Т. Гоббс

«Если народ надеется, что в условиях демократии можно быть непросвещенным и свободным, это то, чего никогда не было и никогда не будет».

Т. Джефферсон

3-й тур

Дорогие участники олимпиады, вам на выбор предлагаются тексты, относящиеся к различным областям обществознания.

Вы должны выбрать один из текстов по своему усмотрению и провести его критический анализ. Укажите основную идею автора текста и определите, можно ли решить поднятую автором проблему каким-либо иным способом. Обоснуйте свой ответ.

(Обязательно укажите номер выбранного вами текста и напишите, с точки зрения какой дисциплины — культурологи, политологии, социологии, философии, экономики, юриспруденции, — вы по-преимуществу будете его рассматривать.)

Ваша работа будет оцениваться по следующим критериям:

1. Понимание текста:

- а) умение обозначить проблему (основную идею), содержащуюся в анализируемом тексте;
- б) умение вычленить аргументы автора, восстановить его логику, показав связь посылок и выводов.

2. Способность вычленить уязвимые места в позиции автора:

- а) недостаточную обоснованность авторской позиции;
- б) нарушение логической последовательности в рассуждениях автора;
- в) противоречия в рассуждениях автора.

3. Способность предложить и обосновать альтернативное решение:

- а) предложение альтернативных решений указанной проблемы на материале истории обществоведческой мысли;
- б) альтернативное решение указанной проблемы, предложенное самим участником, адекватность предложенного участником олимпиады решения рассматриваемой проблеме;
- в) обоснованность, непротиворечивость рассуждений, отсутствие пробелов в аргументации.

Удачи!

Текст 1.

Права, принадлежащие к типу обязательств, или права личные, отличаются тем, что объектом правового отношения является в них не вещь, а лицо. Так, например, в праве по займу кредитору принадлежит возможность потребовать от должника уплаты занятых денег. Нарушение такого права может произойти только со стороны этого лица — объекта. Отсюда следует, что то же лицо (должник) является и объектом юридического отношения.

Совпадение объектов не сопровождается, однако, совпадением содержания обоих отношений. С первого взгляда может показаться иначе. Так как насилие между равноправными лицами представляет само по себе нечто непозволительное и в благоустроенном обществе вообще не допускается, то может показаться, что фактическое господство кредитора над должником, охраняемое правом, простирается лишь настолько, насколько выражается в действиях, которые допущены правом ради этой цели. Но эти действия составляют в то же время содержание отношения юридического. Таким образом, характеристическая черта обязательства заключается как будто бы в том, что в нем защищаемое отношение совпадает с защищающим. Однако при более тщательном анализе, такое заключение должно оказаться поверхностным и неверным. Фактическое могущество кредитора, защищенное правом, простирается далее его юридического могущества. Благодаря тому обстоятельству, что он может оказать на должника некоторое юридическое воздействие, он оказывает на него, сверх того, и фактическое воздействие. Это явление, хорошо известное всем и каждому из обыденной жизни, должно быть констатировано и в теории права.

Другой вопрос, в какой степени это расширение фактического могущества кредитора согласуется с основными задачами правового порядка. Очень часто оно противоречит им, составляя, следовательно, злоупотребление. Когда такие злоупотребления значительны и когда право в состоянии бороться с ними, тогда мы встречаемся с юридическими мерами, которые служат к устранению злоупотреблений. Так, в периоды существования кабалы в древнейших законодательствах существовали, по всей вероятности, и законы против злоупотребления кабалой.

В современных законодательствах такое же значение имели предписания, уполномочивающие судью делать должнику против воли кредитора отсрочку и рассрочку платежа по долгу или вообще исполнения по обязательству.

Понятно, что действие всех подобных юридических мер далеко не всемогуще: многие случаи все-таки ускользнут от подчинения им. Кроме того остается еще целый ряд злоупотреблений, против которых юридические меры бессильны. Таким образом мы должны сказать, что, давая кредитору ту или другую юридическую защиту, право вместе с тем непременно дает ему некоторое фактическое

могущество, которое простирается далее предположенных и преднамеренных пределов.

Когда злоупотребления, выходящие из такого «правомерного» источника, не превышают терпимого размера, тогда не остается ничего более, как мириться с ними. Нет человеческого учреждения, совершенного абсолютно. Но когда означенный размер превзойден, тогда возникает потребность в изменении самих средств юридической защиты, — в отмене существующих средств и в учреждении новых, которые, открывали бы меньшее поле для злоупотреблений. Из подобной потребности, например, вышли в нынешнем столетии некоторые реформы в фабричном законодательстве.

Именно эти реформы направлены к тому, чтобы предотвратить такие договоры рабочего с хозяином предприятия, которые дают хозяину возможность эксплуатировать рабочего несправедливым образом, но в которые рабочий неминуемо вступит сначала вследствие своей экономической, а потом и юридической зависимости, если только будет предоставлен исключительно самому себе. С этой целью новые законы, предоставляя свободному усмотрению рабочего вступление на фабрику, определение почти всех подробностей дальнейшего положения его, изъедают из сферы свободного усмотрения или соглашения хозяина и рабочего. Закон сам определяет такие предметы, как продолжительность и распределение рабочего дня, качество заработной платы, право рабочего в случае болезни или несчастного случая, потребовать себе пособие и т. п. Рабочему, уже поступившему на фабрику, запрещается отказываться от привилегий его положения, которые установлены законом. Далее, учреждается особый правительственный надзор над фабриками, на обязанности которого лежит приведение в исполнение фабричного регламента, даже без особых требований заинтересованных лиц. Последняя мера свидетельствует, что новое фабричное законодательство до известной степени превращает отношения капиталиста и рабочего в отношения публичного права. Из этого мы видим, как далеко должна идти иногда реформа в средствах защиты кредитора, как скоро требуется ограничить эксплуатацию им должника, которая возможна при существующих, несовершенных средствах защиты.

Текст 2.

Сейчас, я надеюсь, ты яснее поймешь, о чем я говорю. Нечетное всегда должно носить то имя, каким я его теперь обозначаю, или не всегда?

— Разумеется, всегда.

— ... То, о чем я говорю, видно на многих примерах, и в частности на примере тройки. Поразмысли-ка над числом «три». Не кажется ли тебе, что его всегда надо обозначать и своим названием, и названием нечетного, хотя нечетное и не совпадает с тройкой? Но такова уж природа и тройки, и пятерки, и вообще половины всех чисел, что каждое из них всегда нечетно и все же ни одно полностью с нечетным не совпадает. Соответственно два, четыре и весь другой ряд чисел всегда четны, хотя полностью с четным ни одно из них не совпадает. Согласен ты со мною или нет?

— Как не согласиться! — отвечал Кебет.

— Тогда следи внимательнее за тем, что я хочу выяснить... Разве мы не признаем, что число «три» скорее погибнет и претерпит все, что угодно, но только не станет, будучи тремя, чётным?

— Несомненно, признаем, — сказал Кебет.

...

— Стало быть, не только противоположные идеи не выстаивают перед натиском друг друга, но существует и нечто другое, не выносящее сближения с противоположным?

— Совершенно верно.

— Давай определим, что это такое, если сможем?

— Очень хорошо.

— Не то ли это, Кебет, что, овладев вещью, заставляет ее принять не просто свою собственную идею, но [идею] того, что всегда противоположно тому, [чем оно овладевает]?

— Как это?

— Так, как мы только что говорили. Ты же помнишь, что всякая вещь, которую овладевает идея троичности, есть непременно и три, и нечетное.

— Отлично помню.

— К такой вещи, утверждаем мы, никогда не приблизится идея, противоположная той форме, которая эту вещь создает.

— Верно.

— А создавала ее форма нечетности?

— Да.

— И противоположна ей идея четности?

— Да.

— Стало быть, к трем идея четности никогда не приблизится.

— Да, никогда.

— У трех, скажем мы, нет доли в четности.

— Нет.

— Стало быть, три лишено четности.

— Да.

— Я говорил, что мы должны определить, что, не будучи противоположным чему-то иному, все же не принимает этого как противоположного. Вот, например, тройка: она не противоположна четному и тем не менее не принимает его, ибо привносит нечто всегда ему противоположное. Равным образом двойка привносит нечто противоположное нечетности, огонь — холодному и так далее. Теперь гляди, не согласишься ли ты со следующим определением: не только противоположное не принимает противоположного, но и то, что привносит нечто противоположное в другое, приближаясь к нему, никогда не примет ничего сугубо противоположного тому, что оно привносит. Вспомни-ка еще разок (в этом нет вреда — слушать несколько раз об одном и том же): пять не примет идеи четности, а десять, удвоенное пять, — идеи нечетности. Разумеется, это — десятка, — хоть сама и не имеет своей противоположности, вместе с тем идеи нечетности не примет. Так же ни полтора, ни любая иная дробь того же рода не примет идеи целого, ни треть, как и все прочие подобные ей дроби. Надеюсь, ты поспеваешь за мною и разделяешь мой взгляд.

— Да, — разделяю, и с величайшей охотой! — сказал Кебет.

...

— Тогда отвечай: что должно появиться в теле, чтобы оно было живым?

— Душа, — сказал Кебет.

— И так бывает всегда.

— А как может быть иначе? — спросил тот.

— Значит, чем бы душа ни овладела, она всегда привносит в это жизнь?

— Да, верно.

— А есть ли что-нибудь противоположное жизни или нет?

— Есть.

— Что же это?

— Смерть.

— Но — в этом мы уже согласились — душа никогда не примет противоположного тому, что всегда привносит сама?

— Без всякого сомнения! — отвечал Кебет.

— Что же выходит? Как мы сейчас назвали то, что не принимает идеи четного?

— Нечетным.

— Прекрасно. А то, что не примет смерти, как мы назовем?

- Бессмертным.
- Но ведь душа не принимает смерти?
- Нет.
- Значит, душа бессмертна?
- Бессмертна, — сказал Кебет.
- Прекрасно. Будем считать, что это доказано? Или как по-твоему?
- Доказано, Сократ, и к тому же вполне достаточно.

Текст 3.

Этическое содержание фотографии непрочное. За возможным исключением таких снимков, как те, что сделаны в нацистских лагерях и стали этической точкой отсчета, в большинстве своем фотографии утрачивают эмоциональный заряд. Фотография 1900 года, поражающая своим содержанием, сегодня тронет нас скорее всего тем, что сделана она в 1900 году. Конкретные качества и темы фотографий растворяются в обобщающей сентиментальности по отношению к ушедшим временам. В самом процессе разглядывания фотографий присутствует эстетическая дистанция — возникающая если не сразу, то со временем непременно. Время возводит большинство фотографий, даже самых любительски немелких, на уровень искусства.

Индустриализация фотографии быстро поставила ее на службу рациональным — то есть бюрократическим — методам управления обществом. Фотографии, уже не игрушки, стали частью оснащения жизненной среды — пробными камнями и подтверждениями того обуженного подхода к реальности, которое считается реалистическим. Как символические предметы и носители информации они стали орудием важных институтов контроля — в частности, семьи и полиции. Так, в бюрократической каталогизации мира многие важные документы недействительны, куда к ним не прикреплена фотография — символ лица гражданина. «Реалистический» взгляд на мир, совместимый с бюрократией, дал новую трактовку знания — как информации и набора методов. Фотографии ценятся, потому что несут информацию. Они говорят о том, что имеется в наличии; предоставляют описание мира. Для шпионов, метеорологов, судмедэкспертов, археологов и других профессионалов информации их значение бесценно. Но в ситуациях, где фотографиями пользуются не специалисты, ценность фотографий того же порядка, что и у беллетристики. Информация, которую они могут дать, начинает казаться очень важной в тот момент культурной истории, когда считается, что каждый имеет право на нечто, именуемое новостями. Фотографии считались способом подачи информации людям, не расположенным к чтению. «Дейли ньюз» до сих пор называет себя «иллюстрированной нью-йоркской газетой»; направленность ее популистская. На противоположном конце спектра «Монд», газета, адресованная квалифицированным, хорошо информированным читателям, — она вообще не дает фотографий. Предполагается, что для таких читателей картинка — несущественное добавление к анализу, содержащемуся в статье.

Вокруг фотографии сложилось новое понимание информации. Фото — это тонкий ломтик и времени, и пространства. В мире, где царит фотографическое изображение, все границы («кадр») кажутся произвольными. Все можно отделить, отчленить от чего угодно другого — надо только нужным образом выстро-

ить кадр вокруг объекта. (И наоборот — можно что угодно к чему угодно присоединить.) Фотография подкрепляет номиналистский взгляд на социальную реальность как на нечто, состоящее из маленьких элементов, по видимости, бесчисленных — так же как снимков чего угодно можно сделать бесчисленное количество. В фотографиях мир предстает множеством несвязанных, самостоятельных частиц, а история, прошлая и сегодняшняя, — серией эпизодов *faits divers*¹. Камера делает реальность атомарной, податливой — и непрозрачной. Этот взгляд на мир лишает его взаимосвязей, непрерывности, но придает каждому моменту характер загадочности. У всякой фотографии множество смыслов.

Текст 4.

Обозначим главные направления либерализма, которые выражаются в общественном мнении.

Низшую ступень занимает либерализм уличный. Это скорее извращение, нежели проявление свободы. Уличный либерал не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия. Он прежде всего любит шум, ему нужно волнение для волнения. Это он называет жизнью, а спокойствие и порядок кажутся ему смертью. Где слышны яростные крики, неразборчивые и неистощимые ругательства, там наверно колышется и негодует уличный либерал. ... Он приходит в неистовый восторг, когда узнает, что где-нибудь произошел либеральный скандал, что случилась уличная схватка в Мадриде или Неаполе: знай наших! Но терпимости, уважения к мысли, уважения к чужому мнению, к человеческой личности, всего что составляет сущность истинной свободы и украшение жизни — от него не ожидайте. Он готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его необузданных порывов. Он даже не предполагает, что чужое мнение могло явиться плодом свободной мысли, благородного чувства. ...

Второй вид либерализма можно назвать либерализмом оппозиционным. ...

Оппозиционный либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны. Он отрешился от данного порядка и остался при этом отрешении. Отменить, разрешить, уничтожить — вот вся его система. ... Отрицая современность, он поэтому самому отрицает и то прошедшее, которое ее произвело. Он в истории видит только игру произвола, случайности, а, пожалуй, и человеческого безумия. ...

Держась отрицательного направления, оппозиционный либерализм довольствуется весьма немногосложным боевым снарядам. Он подбирает себе несколько категорий, на основании которых он судит обо всем; он сочиняет себе несколько ярлычков, которые целиком наклеивает на явления, обозначая тем похвалу или порицание. Вся общественная жизнь разбивается на два противоположные полюса, между которыми проводится непроходимая и неизменная черта. Похвалу означают ярлычки: община, мир, народ, выборное начало, самоуправление, гласность, общественное мнение и т. п. ...

Если либеральное направление не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно искать иных начал, начал зиждящих, положительных; оно должно принаравливаться к жизни, черпать уроки из истории; оно должно действовать, понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно, и стараясь наследовать истину

хладнокровным обсуждением вопросов. Это и есть либерализм охранительный.

...

«Немного философии, — сказал Бэкон, — отвращает от религии; более глубокая философия возвращает к ней». Эти слова можно применить к началу власти. Чисто отрицательное отношение к правительству, систематическая оппозиция - признак детства политической мысли. ...

Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть: либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием; сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий.

Текст 5.

Человеческое поведение создаёт на рынке совершенное уравнение баланса между спросом и предложением, которое, в свою очередь, и определяет цены. Цены становятся изначальным и совершенным индексом для определения человеческих желаний, и их не принято подвергать сомнению. Раз столько дают на рынке, значит, товар столько и стоит. Вопросов больше не должно быть. Из этого следует, что цены на рынке всегда идеально показывают «чего люди хотят» и «как должно быть».

Подобно научному коммунизму, свободно-рыночная экономика исходит из аксиомы, что экономическое поведение людей рационально. В советских источниках пользовались словом «сознательность». Максимизация пользы сама по себе довольно странная доктрина. Она предполагает, что человеческое удовлетворение имеет некую фиксированную величину, производную от количества вещей и услуг, которые человек способен купить. Подразумевается также, что люди способны определять эту величину, и строить свое поведение рационально, согласно своим представлениям об удовлетворении.

Рационально ли потребление? Стоят ли мои «фирменные» джинсы реально настолько больше, чем пара джинсов без этикетки? Стоит ли дом в дорогом районе больше, чем в дешевом? Стоит ли патентованная баночка поливитаминов Centrum реально дороже аналогичной баночки поливитаминов без имени-бренда. Последнее точно нет. Как-то пришлось наблюдать, как одни и те же таблетки, полученные оптом от Centrum, паковались в два вида бутылочек — одни с фирменным именем, другие — с именем сети супермаркетов, которые стоили в три раза меньше фирменных. Здесь теоретики-экономисты расходятся со своими единомышленниками, практиками маркетинга. Известно, что потребитель далеко не всегда ведет себя рационально. Зачастую потребительское поведение определяется модой. Попросту говоря, люди ведут себя согласно тому, что ожидает от них группа, к которой они принадлежат, либо хотели бы принадлежать. Маркетинг и корпорации не просто знают это, но и извлекают из этого немалые барыши, охотно используют для того, чтобы взвинтить цены определённых товаров, «раскрутить бренды».

Наглядный пример — это лопнувший «жилищный пузырь», запустивший всемирный финансовый кризис в 2008 году. Людей убедили вкладывать деньги в жилье не только для того, чтобы иметь дом, и даже не для того, чтобы извлечь доход, но потому, что «обязательно надо» иметь свой дом, «теперь и ты тоже можешь», что без дома человек не часть национальной идентификации «американской мечты», не оправдывает ожиданий «общества собственников». Подобный маркетинг применялся повсюду, где росли жилищные пузыри — в Испании,

Израиле, Ирландии. Фабрикация подобных ожиданий не только неотъемлемая часть любых спекулятивных пузырей, но и интегральная часть любой «рыночной активности». Примеров можно привести множество — от решений вкладывать деньги до покупки ценных бумаг — все это иррациональные импульсы, которыми часто манипулируют учреждения и корпорации в экономических и политических целях. Стоит лишь посмотреть, какое огромное количество деятелей на ниве экономики и политики пытается извлечь барыш из наших так называемых инфляционных ожиданий.

Те, кто эксплуатирует подобные привычки, лучше других знают, насколько они нерациональны. Главное здесь то, что все участники рынка — потребители, производители, инвесторы и прогнозисты часто действуют совершенно нерационально. Будь их действия рациональны, они бы не поддались бессчетному числу манипуляций, которые знает история экономики.

Основополагающий принцип «максимизации пользы» никак не годится для изучения реальных общественных явлений. Максимизация личной пользы и во все считается антиобщественным поведением, поскольку противоречит максимизации общественного блага. Да и что такое «максимизация собственной пользы» в медицине или в просвещении? Ключевые отрасли бизнеса (страхование, финансы, медицина и т. д.) даже близко не подпускают к себе основополагающие принципы открытой рыночной конкуренции.

Экономика должна быть применима для решения конкретных проблем. Экономические теории и модели имеют свое ограниченное применение на рынке.

Текст 6

Люди равны от природы. Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом. В самом деле, что касается физической силы, то более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного.

Что же касается умственных способностей..., то я нахожу в этом отношении даже большее равенство среди людей, чем в отношении физической силы. Ибо благоразумие есть лишь опыт, который в одинаковое время приобретается в равной мере всеми людьми относительно тех вещей, которыми они с одинаковым усердием занимаются. Невероятным это равенство делает, возможно, лишь пустое самомнение о собственной мудрости, присущее всем людям, полагающим, что они обладают мудростью в большей степени, чем простонародье, т. е. чем все другие люди, кроме них самих и немногих других.... Ибо такова природа людей: они с трудом поверят, что имеется много людей столь же умных, как они сами. Но это обстоятельство скорее говорит о равенстве, чем о неравенстве людей в этом отношении. Ибо нет лучшего доказательства равномерного распределения какой-нибудь вещи среди людей, чем то, что каждый человек доволен своей долей.

Из-за равенства проистекает взаимное недоверие. Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами.... Из-за взаимного недоверия — война....

При отсутствии гражданского состояния всегда имеется война всех против всех. Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех.

Все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность.

В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла,

литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна.

Однако никто из нас не обвиняет человеческую природу саму по себе. Желание и другие человеческие страсти сами по себе не являются грехом. Грехом также не могут считаться действия, проистекающие из этих страстей, до тех пор пока люди не знают закона, запрещающего эти действия; а такого закона они не могли знать до тех пор, пока он не был издан, а изданным он не мог быть до тех пор, пока люди не договорились насчет того лица, которое должно его издавать.

Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было; да я и не думаю, чтобы они когда-либо существовали как общее правило по всему миру. Однако есть много мест, где люди живут так и сейчас. Например, дикие племена во многих местах Америки.

Хотя никогда и не было такого времени, когда бы частные лица находились в состоянии войны между собой, короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны. Но так как они при этом поддерживают трудолюбие своих подданных, то указанное состояние не приводит к тем бедствиям, которые сопровождают свободу частных лиц.

В подобной войне ничто не может быть несправедливым. Состояние войны всех против всех характеризуется также тем, что при нем ничто не может быть несправедливым. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого не имеют здесь места. Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями. Справедливость и несправедливость не являются ни телесными, ни умственными способностями. Если бы они были таковыми, они, подобно ощущениям и страстям, должны были бы быть присущи и человеку, существующему изолированно. Но справедливость и несправедливость есть качества людей, живущих в обществе, а не в одиночестве. Указанное состояние характеризуется также отсутствием собственности, владения, отсутствием точного разграничения между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это. Всем предыдущим достаточно сказано о том плохом положении, в которое поставлен человек в естественном состоянии, хотя он имеет возможность выйти из этого положения – возможность, состоящую отчасти в страстях, а отчасти в его разуме.